

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ РАВНОЦЕННОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

Е.М. Масленникова

Тверской государственный университет, Тверь

В большинстве случаев текстовая коммуникация протекает в режиме, когда автор и его читатель (читатели) отделены друг от друга во времени и пространстве. Временной барьер между автором и читателем (читателями) определяет положение авторской проекции текста и читательской проекции текста относительно интерпретирующего диапазона текста. В статье рассматриваются особенности культурного трансфера для обеспечения равноценности двуязычной текстовой коммуникации.

Ключевые слова: текст, понимание, культурный трансфер.

Текст перевода всегда реализуется в определённой социально-исторической и культурной обстановке. Современные исследования по переводоведению носят культурно-ориентированный характер и опираются на тот факт, что культурная среда контролирует переводчиков, изначально вырабатывая культурно-зависимые предписания к переводу. В этом отношении теория перевода представляет собой теорию понимания дискурса, реализующегося в виде текста [3 и др.], и описывает взаимодействие различных структур знания с целью объяснения переводческого процесса. Получающийся перевод как результат переводческой деятельности представляет собой культурологическую реконструкцию оригинала с учётом имеющихся в принимающей культуре знаний о той культуре, внутри которой создавался оригинал. Например, в поэме «Tam O' Shanter» / «Тэм О'Шентер» (1790) шотландского поэта Р. Бёрнса / R. Burns (1759–1796) упоминается реалия быта – напиток *narry* ‘пиво’ (*we sit bousing at the narry*). В переводе В.Д. Костомарова (1861) герои сидят за *кружкой пива*, а С.Я. Маршак (1950) усаживает их у *полной бочки эля*. В оригинале путь домой измеряется в шотландских милях (*lang Scots miles*), которые по причине тяготения С.Я. Маршака к стратегии доместикации и локализации становятся *вёрстами*. Реалия *stile* ‘ступеньки для перехода через забор или стену’ отсутствует в практическом опыте русскоязычных читателей, поэтому переводчики выбирают более привычные образы: *пыль дорог, что нас домой ведут* (В.Д. Костомаров) и *канавы, мостки, опасные переправы* (С.Я. Маршак).

Герой повести Н.В. Гоголя (1808–1852) «Майская ночь, или Утопленница» (1831) играет на *бандуре* (*С бандурою в руках <...> идёт по улице, бренчит рукою по струнам и подплясывает*). Первый переводчик повести на английский язык К. Филд / Claud Field (1863–1941) предпочёл заменить украинский многострунный щипковый музыкальный инструмент *бандуру* на другой щипковый инструмент, имеющий другую форму – на *guitar* ‘гитара’ (1916). Другие переводчики оставляют данную реалию, передав её как *bandore* (С. Garnett, 1926) и как *bandura* (О. Gorchakov, 1957; Ch. English, 1984). Кроме этого, гоголевский глагол *подплясывает* (*бренчит рукою по струнам и подплясывает*) К. Инглиш передаёт путём указания на тип танца (*danced little jig*): *jig* ‘джига’ – это ‘быстрый народный танец; одиночный или групповой,

мужской или женский'. На первый взгляд, трудно установить прямые связи между английским быстрым народным танцем *jig* и *чечёткой*. В романе «You're Dead without Money» (1972) Дж. Чейза / J.H. Chase (1906–1985) вор заключает удачную сделку с бизнесменом и поэтому испытывает желание сплясать джигу (*He was so elated that he wanted to dance a jig*). Возможно, что Н. Ярош в своём переводе «Ошибка зловещей клики» (1994) исходит из популярности танца среди представителей русского криминального мира (см. «Аполлон среди блатных» В. Шаламова): *Он был в таком восторге, что хотел отбить чечётку*.

Понимание как активная интерпретирующая деятельность предполагает выбор из множества альтернатив: «прогресс искусства понимания можно видеть в расширении свободы каждого отдельного человека при выборе своего “параметра”, своей позиции на шкале альтернатив» [3: 118]. Доинтерпретирование заключается «во вкладе интерпретатора в создание значения» [2: 29]. Читатель фиксирует проекцию текста, исходя из действующего в момент обращения к нему принципа «что–есть–текст–для–меня–здесь–и–сейчас».

Понятие «культурный трансфер» тесным образом соотносится с типами отношений, в которые могут вступать языки и культуры [6: 120]: 1) язык и культура текста оригинала близки языку и культуре текста перевода; 2) язык текста оригинала не имеет родственных связей с языком текста перевода, но культуры текста оригинала и текста перевода развиваются параллельно; 3) язык и культура текста оригинала и язык и культура текста перевода являются типологически разными; 4) родственные друг другу язык текста оригинала и язык текста культуры представляют разные культуры. Понятие «культурный трансфер», связанное с передачей национально-специфических предметов, объектов, ситуаций, ценностей и т.д., намного шире, чем простое описание способов воспроизведения лексических единиц, передающих фоновую информацию, так как подобный трансфер предполагает в первую очередь перемещение текста в иную культурную среду. О перспективах исследования перевода как культурного трансфера в [1; 7; 8; 10; 11 и др.].

Определение переводчиком «своей позиции» относительно интерпретирующего диапазона текста способно привести не только к культурному трансферу ценностей и т.д. исходной культуры, нашедших воплощение в тексте, но и к переосмыслению концептуальной схемы оригинала в целом. Современные переводчицы О. Уайльда / O. Wilde (1854–1900) дописывают эпизоды за автора: в переводе сказки «The Happy Prince» / «Счастливый принц» (1888) ангел заглянул в магазин ювелира и собирается подарить принцу и ласточке мешок рубинов, два мешка сапфиров и три мешка золота (Л.С. Шутько, 2010), а в переводе сказки «The Devoted Friend» / «Преданный друг» (1888) вдруг рассказывается о бедном детстве главных героев (В. Гетцель, 2010).

Возможны изменения в концептуализации отдельных предметов и объектов: герой повести Н.В. Гоголя использует в ласковом обращении к любимой образ *красной калины* (*О, не дрожи, моя красная калиночка!*), где цветовой эпитет *красный* сочетается с названием дерева *калина*, которое традиционно в народных обрядах и песнях славян связано с любовью и нежностью, тайными свиданиями и свадьбой, став частью символики и мифологии [5]. Если К. Филд выбирает нейтральный вариант *my darling* ‘моя

дорогая» (С. Field, 1916), то остальные переводчики сохраняют «древесную» символику, используют при этом названия других деревьев – *willow* ‘ива’ и *cherry-tree* ‘вишня’: *my lovely willow* (С. Garnett, 1926; О. Gorchakof, 1957) и *my poor little cherry-tree* (Ch. English, 1984). Отметим, что в английском языке существует выражение *wear the willow*, имеющее значение ‘горевать по любимому’. Таким образом, традиционная проблема определения адекватности / эквивалентности оригинала и его перевода переходит в несколько иную плоскость: адекватность / эквивалентность начинает определяться относительно кросс-культурной равноценности, в том числе в концептуальной сфере.

Кросс-культурная равноценность оригинала и перевода оказывается часто недействительной и недостижимой из-за культурных различий в понимании культурных ценностей, оценок поведенческого сценария, социальных установок и т.д. Подобные суждения о ценностях, сценариях и установках основываются не только на общих сравнениях, но и зависят от индивидуальных систем ценностей. При этом «в художественном тексте осуществляется не индивидуальное языковое представление некоего универсального смысла, а представление личностных смыслов в конвенциональных языковых единицах» [9: 4].

Если рассматривать перевод как двуязычную межкультурную коммуникацию, то вероятность межкультурного конфликта здесь велика и никогда не исключается. Из-за культурных различий в значении слов, символов, имён, текстовых отсылок, аллюзий и др., а также допустимости / недопустимости их использования возможно формирование негативных впечатлений от текста. Внешнее непонимание (термин из [4]), связанное с энциклопедическим, культурно-историческим и биографическим контекстами, приводит к неправильному прочтению текста, когда доинтерпретирование начинает его искажать, т.е. к провалу двуязычной текстовой коммуникации. Несмотря на то, что написание слова *virgin* с заглавной буквы и употребление его с определённым артиклем как *the Virgin (a wall shrine to the Virgin Mother)* допускает единственно возможную трактовку исключительно в религиозном контексте как богородица, мадонна или Дева Мария, в переводе романа «Mission to Venice» (1954) Дж. Чейза на улице *calle dei Fabbri* появляется загадочная гробница некой *Матери Виргилии* (С. Вишняков).

Опыт интерпретации текста как проживание–текста–в–себе может приводить к искажению впечатлений от текста, преобразовывающихся в стереотипы непосредственно по отношению к самому тексту, а также к той культуре, из которой текст «вышел». В рассказе “The Apples of the Hesperides» (1940) А. Кристи / А. Christie (1890–1976) детектива Эркюля Пуаро принимает в своём кабинете крупный бизнесмен, восседая за столом из красного дерева (*behind the big mahogany desk*). В Англии мебель именно из красного дерева долгое время считалась свидетельством достатка и высокого социального положения (см. романы «Vanity Fair» У. Теккерея, «Barnaby Rudge» Ч. Диккенса, «Of Human Bondage» С. Моэма и др.). В одном из переводов этого рассказа стол становится *столом чёрного дерева* (А. Сагаморов, 1991).

СЛОВО в тексте всегда включено в широкую систему контекстов. Нарушение связей, в том числе контекстуальных, внутри Мира слова, Мира текста, Мира автора приводит к «искривлению» этнокультурного Мира текста в целом.

Установки, прошлый (совместно пережитой и прожитой) опыт коммуникантов, которые задают ожидания и прогнозируют вероятность появления новой информации, опираются на образовательный уровень как часть прошлого опыта, тезаурус и фоновые знания. Например, путешествующая на машине героиня А. Кристи из «The Bloodstained Pavement» (1932) носит платье из хлопчатобумажной ткани с рисунком из ярко-красных цветов южно-американского растения пуансеттия (*scarlet poinsettias*). В переводе Е. Фугаровой (1990) на отдыхе женщина носит *роскошное алое платье с кружевами*.

В определённой степени гендер интерпретатора задаёт направленность интерпретации: так, в первом переводе повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» / «A May Night» (1916) на английский язык, выполненном К. Филдом, отец обещает дарить дочери не *серьги и монисты* (Н.В. Гоголь), а ещё больше *колец и ожерелий* (*yet more rings and necklaces*). В сказке О. Уайльда «The Nightingale and the Rose» (1888) в качестве одной из причин, по которым дочь профессора не будет танцевать на балу с влюблённым в неё студентом, она называет преподнесённые его соперником драгоценности. Титул дяди дарителя (*Chamberlain's nephew*) допускает три варианта передачи – *гофмейстер двора, камергер, казначей*, таким образом, в переводах дарителем становится *племянник Камергера* (Т. и С. Бертенсон, 1909), *племянник камергера* (М. Ликиардопуло, 1911; М. Благовещенская, 1960; В. Гетцель, 2010), *племянник гофмейстера* (В. Чухно, 2004), *племянник Казначая* (Перевод А. Грызуновой, 2010). Дореволюционный переводчик И. Сахаров (1908), наоборот, усиливает социальный статус соперника студента (*племянник герцога подарил мне прекрасные настоящие драгоценности*). Отметим, что в отличие от других переводчиков, которые не конкретизируют названия подаренных драгоценностей (*some real jewels*), в случае с *племянником Казначая* в переводе А. Грызуновой выстраивается логическая цепочка: он прислал девушке *настоящих бриллиантов*, а как утверждает в песне из фильма «Gentlemen Prefer Blondes» (1953) бриллианты – лучшие друзья девушки (*diamonds are a girl's best friend*).

Выдвинутые положения о личностных смыслах (А.А. Леонтьев и др.) позволяют говорить о личностных предпочтениях, которые определяют ориентацию индивида внутри семиосферы, где ему дана возможность не только выбрать мир для СЕБЯ, но и построить новый мир. Построенный Мир текста может значительно отличаться от исходного, создаваемого автором. Если в рассказе А. Кристи «The Apples of Hesperides» (1940) своей позой внимательно слушающий заказчика Пуаро похож на размышляющую малиновку (*He looked like a meditative robin*), то в одном переводе указано, что он напоминал *своим видом восточного монаха в состоянии медитации* (Л.П. Симбирцева, 1992).

Выводы. 1. Освоение текстовой действительности происходит в соответствии с коммуникативно-прагматическими установками коммуникантов и предполагает эмоционально-насыщенную переработку информации и авторских смыслов. 2. В тексте представлена совокупность лингвокультурных сценариев. Кроме этого, он несёт в себе культурологическую информацию, репрезентируя модель определённой культурологической среды и систему присущих ей культурных ценностей. 3. По причине утраты способности выйти через СЛОВО на представляемую им систему мотивов и образов, переводчику как первичному читателю текста, созданного внутри одной системы, не всегда удаётся установить дополнительную усложнённость СЛОВА

как конвенциональной единицы, в результате чего вторичный читатель получает видоизменённую проекцию исходного текста.

Список литературы

1. Демьянков В.З. Трансфер знаний и перевод // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. М.: «КДУ», Университетская книга, 2018. С. 18–21.
2. Демьянков В.З. Языковая креативность в художественном творчестве // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 7. С. 29–35.
3. Демьянков В.З. Языковые техники «трансфера знаний» // Метод. 2017. № 7. С. 115–136.
4. Левин Ю.Д. О типологии непонимания текста // Левин Ю.Д. Избранные труды.. М.: Яз. русской культуры, 1998. С. 581–591.
5. Милютин Ю.В. Символика восточных славян // Проблемы филологического образования. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2019. С. 171–175.
6. Найда Ю.А. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 114–137.
7. Новикова Т.Б. Перевод как культурный трансфер // НОМО LOQUENS. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2016. С. 14–22.
8. Опарина Е.О. Вопросы теории перевода // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2018. № 4. С. 99–107.
9. Пищальникова В. А., Сорокин, Ю. А. Введение в психопоэтику. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993. 209 с.
10. Проскурин С.Г. Культурные трансферы и перевод текстов // Язык. Культура. Личность. Барнаул: Алтайский гос. пед. ун-т, 2020. С. 79–88.
11. Проскурин С.Г., Санников С.В. Переносы информации во времени и пространстве: культурные трансферы // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 238–249.

CROSS-CULTURAL EQUALITY AND CULTURAL TRANSFERS

Е.М. Maslennikova

Tver State University, Tver

The time barrier between the author and readers determines the position of the author's projection of the text and readers' projection of the text relative to the interpreting range of the text. The article discusses the features of cultural transfer to keep up the equivalence of bilingual text communication.

Keywords: *text, understanding, cultural transfer, communication failure.*

Об авторе:

МАСЛЕНИКОВА Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Тверской государственной университет, e-mail: e-maslennikova@inbox.ru.